

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1998 г. А.В. БАРАНДЕЕВ

"КНИГА БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ"

(к 370-летию памятника)

Среди оригинальных произведений русской деловой письменности XVII в. "Книга Большому Чертежу" (далее – КБЧ) без преувеличения занимает уникальное место. Такой статус памятника обусловлен временем и условиями его появления, а также характером назначения и содержания.

Возникновение КБЧ отражает важный этап в развитии картографии – самостоятельной отрасли русской практической географии XVI–XVII вв. Задачи административного управления; учет земельных владений, который не прекращался в течение XVII в. [Веселовский 1951]; вопросы обороны границ Русского централизованного государства; развитие торговых и дипломатических отношений с державами иностранными – все это требовало составления надежных графических изображений различных территорий. На Руси такие изображения традиционно именовались чертежами, поскольку вычерчивались вручную.

Исследователи предполагают, что элементарные чертежи существовали на Руси уже в XIII–XIV вв., хотя ни один из них, к сожалению, не сохранился. Тем не менее косвенные упоминания о первых чертежах встречаем в инвентарных росписях архивов Ивана Грозного и Посольского, Разрядного и Тайного приказов. Например, "Чертежи же розных государств, ветхи добре, роспались, розобрать имянно и написать не мочно" [Описи... 1960: 136]. Естественно, что ручной, почти бестиражный характер изготовления древних чертежей и частые для того времени войны и пожары не могли обеспечить длительную сохранность этих ценных произведений отечественной картографии. В странах Западной Европы, благодаря пионерской практике фламандского картографа XVI в. Г. Меркатора, стал распространяться способ изготовления географических карт путем гравирования изображения на меди и переноса его на бумагу, что позволяло получать большие тиражи карт. Однако на русской почве в допетровскую эпоху этот способ развития не получил.

Самый древний из дошедших до нас русских рукописных чертежей с элементарным текстом датируется, по оценке В.С. Кусова, 1536 годом. К настоящему времени, "несмотря на утрату значительного числа отечественных картографических памятников, учтено 1173 чертежа. Из них 21 чертеж пока не обнаружен" [Кусов 1989: 5, 8]. Картографическое наследие Древней Руси представляло большую ценность не только для русских книжников, активно продвигавшихся в познании географического устройства своей Родины, но и для иностранных послов, купцов и путешественников. Не случайно поэтому некоторые чертежи дарились русскими царями именитым иностранцам, воспринимавшим их как редкий подарок. Западноевропейские картографы широко использовали русские чертежи для составления карт Московии, географию которой они знали весьма приблизительно [Рыбаков 1974].

Вершиной отечественной картографии на рубеже XVI–XVII вв. стала генеральная

карта всего Московского государства Большой Чертеж", созданная на основе "старого" и "нового" чертежей, но, к сожалению, не сохранившаяся. В начале XVII в. царская администрация санкционирует работы по упорядочению и обновлению корпуса картографических материалов, без чего невозможно было обеспечить надежную оборону границ Русского государства и наладить станичную, сторожевую и посольскую службу. В таком историческом контексте появилась КБЧ, 'построенная' в 1627 г. в Разрядном приказе как словесное описание карты "Большой Чертеж". В связи с этим обратим внимание на характерную форму названия памятника – 'Книга Большому Чертежу' (дательный падеж принадлежности, употреблявшийся в древнерусском языке в этой функции наряду с родительным). Однако конкуренция этих падежей для выражения принадлежности закончилась победой родительного падежа: поэтому нередко в литературе XVIII–XX вв. (и даже во втором издании БСЭ) название памятника встречается в форме родительного падежа – Книга Большого (Большого) Чертежа, что нельзя считать исторически правильным.

С момента своего появления КБЧ приобрела особый, официальный статус, поскольку была создана по социальному государственному заказу, о чем свидетельствует своеобразное предисловие к памятнику: "По государеву цареву и великого князя Михаила Феодоровича всеа России указу сыскан в Розряде старои чертеж всему Московскому государству < > И тот старои чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился. А зделан был тот чертеж давно при прежних государех. И в Розряде дьяки, думной Федор Лихачев да Михаил Данилов, велели [кому?] курсив наш – А Б], примерясь к тому старому чертежу, в то же меру зделать новой чертеж всему Московскому государству по все окресные государства < > И против чертежные подписи урочищам и книгу написать, и в книге и в чертеже знамя мере верстам положить по прежнему, как была мера < > в старом чертеже положена" [Книга 1950: 49–50].

В соответствии с 'государевым указом' предполагалось не только обновить старые чертежи и составить новые, но и сделать словесное описание этих чертежей, обеспечив таким образом их длительную сохранность как важных документов для 'государевой службы посылок'. КБЧ представляет собой одно из таких описаний, но составленное именно к 'Большому Чертежу', что и определило дальнейшую судьбу памятника. С XVII в. КБЧ стала прочно ассоциироваться с самим 'Большим Чертежом' – в XVIII–XIX вв. ее нередко именовали к а р т о й, о чем можно судить по названиям некоторых изданий памятника. Причина такого переосмысления понятна: в связи с утратой "Большого Чертежа" КБЧ сохраняла все его "чертежные подписи", т. е. словесное содержание, и поэтому приобретала не вспомогательное, а вполне самостоятельное значение. Кроме того, следует учесть, что текст на древних картах выполнял важную и самостоятельную информативную функцию, в отличие от краткого текста на современных картах, представленного лишь в виде названий географических объектов и условных знаков и пояснений (легенды).

Долгое время оставалось загадкой авторство КБЧ. Из предисловия к памятнику ясно, что руководство работой по составлению КБЧ поручалось двум опытным дьякам Разрядного приказа – Ф. Лихачеву и М. Данилову, имена этих книжников упоминаются в исторической литературе XIX в. [Лихачев 1894: 65–78, Белокуров 1898: 311]. Но кому они велели книгу написать? Заслуга в установлении авторства КБЧ принадлежит Г. А. Хабургаеву, который в газетной статье 1955 г., а затем в ряде других своих работ доказал, что автором КБЧ был подьячий Разрядного приказа Афанасий Иванович Мезенцев. Это утверждение основывается на челобитной А. И. Мезенцева царю Михаилу Федоровичу, которую Г. А. Хабургаев обнаружил в ЦГАДА, в делах Севского стола Разрядного приказа, и в которой автор КБЧ просил выплатить промежуточное вознаграждение за ее составление [Хабургаев 1955, 1966, 1969а, 1969б]. Впрочем, эта челобитная была кратко упомянута в архивном описании еще в 1913 г., однако до Г. А. Хабургаева не была детально исследована [Описание 1913, Полевой 1967].

Отражая картографическое содержание "Большого Чертежа", КБЧ охватывала огромное для того времени географическое пространство. На севере ее сведения простирались до Ледовитого океана, на юге – до современных территорий Казахстана и республик Закавказья, на западе – до городов порубежных Невеля, Полоцка и др., на востоке – до бассейна Оби. В начале КБЧ написан царствующий град Москва на реке на Москве, на левом берегу, а река Москва вытекла по Вяземской дороге, за Можайском верст с 30 и больше [Книга 1950 55]. Далее географическое описание территорий последовательно проводится по дорогам и (преимущественно) рекам как важнейшим путем сообщения, о чем свидетельствуют названия разделов памятника. Например, "Роспись Изюмские дороги", "Роспись реке Донцу, и рекам и колодезям, которые () в Донец с Крымской и Нагайской стороны пали Дон", "Роспись реке Терку" и т.д. Дано также описание бассейнов Днепра (и его порогов) Угры, Оки, Клязьмы, Волги, Онеги, Двины и др., характеризованы города порубежные и сибирские города. Таким образом, в целом КБЧ имеет ярко выраженное гидрографическое содержание.

Наряду со сведениями военно-стратегического характера (точное указание расстояний между городами, реками и другими объектами, физико-географическая характеристика этих объектов, сообщения о местах татарских перевозов и перелазов в Русь и т.п.) КБЧ фиксирует важную историко-этнографическую информацию. Например, "А до Кафы и Бакчисарая верст с 60, а по обе стороны той дороги деревни же татарския, а воды копанья и родники есть. *А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пшеницу, да ячмень, да полбу*" [Там же 66], "А на реке на Угус город Каган, живет в нем Юргенского царя брат" [Там же 96], "А усть реки Белья Воложки вверх и по реке по Уфе () *все живут башкирцы а кормя их мед, зверь рыба а пашни не имеют*" [Там же 139] и т.д. Кроме того, в КБЧ встречаются сведения о наличии в отдельных регионах полезных ископаемых. "А с верху реки Манача с левых стороны озеро, а в том озере емлют соль азовцы и черкасы *ятигорския* ()" [Там же 86], "() От Самары 90 верст озеро, а в нем емлют серу горячую" [Там же 140], "А от той горы 170 верст гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово" [Там же 170].

Всего в КБЧ зафиксировано около 2 000 топонимов, более половины из них составляют гидронимы, что вполне согласуется с общей гидрографической направленностью памятника. Лингвистическое изучение всего обширного топонимического наследия КБЧ представляет несомненный научный интерес [Барандеев 1973]. В частности, весьма показательно, что некоторые иноязычные топонимы даны в их переводе на русский язык, достаточно верном для того времени и с параллелями из других языков, что расширяло энциклопедические возможности КБЧ. Например, "() У моря на берегу город Дербент. *Железные Ворота тож, а по турски Темир-Капы*" [Книга 1950 89], "() С левых стороны Яика, Илез река, ниже горы Тустеби, по нашему та гора Соляная, ломают в ней соль" [Там же 93], "() А на устье той реки 8 озер Карагол, по нашему Черный озеро" [Там же 94].

В XVII в. КБЧ не только продолжала широко использоваться как своеобразная маршрутная карта ("дорожник") для "государевой службы посылок". Являясь ценным произведением русской деловой письменности, она стимулировала появление новых "дорожников" для организации почтовой службы. В их числе "Поверстная книга" (известная в списках конца XVII в. и XVIII в.), возникновение которой, по оценке В. А. Петрова, следует относить к 30-м гг. XVII в. [Петров 1950 80]. Другой "дорожник" – "Описание расстояний столиц и нарочитых градов и славных государств и земель () от града Москвы" – составлен в 1667 г. переводчиком Посольского приказа А. А. Виниусом и впервые обнаружен историком П. Г. Бутковым [Бутков 1840]. Мнение исследователей XVIII–XIX вв. о том, что эти новые "дорожники" появились как "дополнение" к КБЧ, вряд ли правомерно, поскольку КБЧ, будучи официальным памятником картографического происхождения, всецело принадлежит своему времени.

Для составителей новых документов КБЧ была лишь авторитетным образцом, что подтверждается наличием в составе ряда сборных рукописей конца XVII–начала XVIII в текстов КБЧ и "Поверстной книги" [Петров 1950 93, 101]

Заслуга открытия КБЧ и введения ее в научный оборот принадлежит В Н Татищеву В 1768 г в первом томе своего капитального труда "История Российская", анализируя картографическое наследие прошлых столетий в главе "О географии вообще и о русской", он упоминал и о КБЧ Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют, что ранее, в 1744–1745 гг В Н Татищев готовил текст памятника к публикации, так как КБЧ "для географии русской весьма нужна и полезна, для того я оную изъяснил, пополнил и роспись алфавитную приложил" [Татищев 1994 348] Однако по неизвестным причинам этот замысел остался неосуществленным

Большим событием в истории изучения КБЧ явилось ее первое издание, предпринятое Н И Новиковым под характерным названием "Древняя Российская Идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища, и на каком оныя разстоянии" (СПб, 1773) В основу издания было положено шесть списков КБЧ В значительно искаженной форме название первого издания памятника дано в академическом издании под редакцией К Н Сербиной [Книга 1950 36, 199], а затем в СИЭ (М, 1965) и БСЭ (3-е изд, М, 1973), добавивших еще одну ошибку, в датировке – 1775 г, что наглядно доказывает опасность некритического использования материалов "из вторых рук"

Следующее издание памятника вышло под названием "Книга Большому Чертежу или древняя карта Российскаго Государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года" (СПб, 1792) Текст КБЧ на основании трех списков был напечатан в типографии Горного училища без указания имени издателя, поэтому второе издание часто квалифицировали как анонимное Между тем большинство исследователей не без основания считают, что вторым издателем памятника был известный археолог и собиратель древних рукописей А И Мусин-Пушкин, хотя в предисловии к своему изданию он почему-то не упомянул об издании 1773 г

Третье издание КБЧ, озаглавленное аналогично предыдущему, было осуществлено писателем и переводчиком Д И Языковым (СПб, 1838) В основу этого компилятивного издания положен текст издания 1792 г с предисловием А И Мусина-Пушкина, а также варианты по изданию 1773 г Д И Языков сопровождал текст памятника комментариями, объяснив наиболее темные, по его мнению, слова *застава* *надолбы* *колодезь* *сакма* и др В двух рецензиях на это издание указывалось, что оно не вполне отвечает требованиям, предъявляемым к публикациям древних памятников, поскольку прежние издатели не учитывали текстологических особенностей рукописей и нередко исправляли то, что казалось им непонятным [Книга 1950 39]

Четвертое издание памятника под названием "Книга, глаголемая Большой Чертеж" было предпринято историком Сибири Г И Спасским (М, 1846) Это издание выгодно отличается от всех предыдущих тем, что Г И Спасский не только использовал более древние списки, доведя их число до восьми, но и дал описание списков, сохранив орфографию и указав разночтения (в вариантах) Издание снабжено обширными примечаниями, в которых издатель комментировал значение наиболее сложных терминов и топонимов, например, *шлях засека*, *россошь*, *Иверская земля* *Юргенская земля*, *Святой нос* и т п

В течение XIX в историки и географы неоднократно обращались к исследованию отдельных фрагментов КБЧ для решения частных проблем, касающихся времени ее составления, издателей и изданий, интерпретации некоторых топонимов и сведений о конкретных регионах (см труды Н М Карамзина, А Х Лерберга, Е К Огородникова, А И Макшеева, Д И Прозоровского, В С Иконникова и др) Неослабевающий интерес к памятнику проявился и в том, что Отделение этнографии Русского географического общества с 1852 г по 1859 г объявило конкурс, предполагавший реконструкцию КБЧ Однако единственная работа, поступившая на конкурс, была признана неудовлетворительной и осталась ненапечатанной [Вестник 1858]

Пятое издание КБЧ осуществлено Ленинградским отделением института истории АН СССР (М., Л., 1950). Подготовка памятника к печати и редакция принадлежит известному историку К. Н. Сербиной. Во введении, имеющем самостоятельное исследовательское значение, критически рассмотрены существующие издания КБЧ и принципы их построения, дана полная характеристика официальных и неофициальных редакций памятника, его списков, установлена генеалогия отдельных редакций и списков. В основу академического издания положен наиболее надежный список № 396 официальной редакции, непосредственно связанный своим происхождением с Разрядным приказом. Этот список сопровождается списком № 1330, содержащим важные дополнения, представленные в подстрочных примечаниях. Издание снабжено библиографией, обобщившей с некоторыми пропусками литературу о КБЧ до 1950 г., и, как в предыдущих изданиях, географическим указателем. К сожалению, академическое издание не лишено серьезных ошибок, которые справедливо замечены историком и топонимистом А. И. Поповым [Попов 1951]. И в лингвистическом отношении это издание не может удовлетворить современного исследователя, хотя бы потому, что в нем допущены необоснованные отступления от орфографии подлинника, и в целом оно не отвечает строгим критериям научной публикации, так как содержит ошибки в названиях, именах, датах и многочисленные опечатки. Подобная небрежность вообще характерна для многих исследований, посвященных КБЧ.

Назрела потребность в новом издании КБЧ, свободном от указанных погрешностей, которое вполне отвечало бы современным принципам публикации памятников письменности и смогло бы удовлетворить научные интересы не только историков, но и лингвистов, географов, этнографов. Актуальность нового издания памятника обусловлена и тем, что академическое издание осуществлено почти полвека назад и тиражом всего 3 000 экземпляров, став библиографической редкостью. Кроме того, с момента последнего издания КБЧ литература о ней обогатилась новыми материалами и исследованиями. Так, два списка памятника обнаружены в Швеции [Davidsson 1954: 64–77], введена в научный оборот ранее неизвестная сокращенная редакция КБЧ (конец 80-х–90-е гг. XVII в.) [Кобяк, Поздеева 1986: 27–29].

Значительный интерес представляет изучение языка КБЧ – этой уникальной географической энциклопедии допетровской эпохи. В частности, Ф. И. Буслаев первым обратил внимание на то, что «в древнерусском и народном языке особенно замечательно употребление прошедшего в описании природы там, где теперь употребляем настоящее время» (). В [КБЧ] эта форма постоянно употребляется при описании географических местностей, напр., а по странамъ того рва обойти нельзя, *пришли лѣса и болота*, "нала въ Донѣ рѣка Красная Дѣвица" (). Формы настоящего времени, ныне принятые в географии *идет, течет, впадает*, составляют более отвлеченное понятие, потому что означают постоянно и неизменно пребываемое *те течет всегда впадает постоянно*. Старинные же выражения прошедшего времени указывают на факт, некогда совершившийся ()» [Буслаев 1959: 366]. Ф. И. Буслаев справедливо указал на ценность КБЧ для исторической лексикологии и лингвистического источниковедения, " () как по географическим собственным именам, так и по различным выражениям, употребленным составителями ее при описании местностей" [Буслаев 1861: 1065].

Весьма примечательно, что КБЧ закрепляла и развивала приемы лаконичного описания фактического материала, которые проявлялись в русской письменности уже во 2-й половине XVI в. и впоследствии стали характерными для русских переводов западноевропейских космографий и для энциклопедической литературы вообще. Например, в составе одного из кратких летописных сборников обнаруживаем пассаж, типичный для КБЧ: "От Казани до болгарского городища и Балымата – 200 верст. От болгар до Девичих гор и до Царева кургана – 100 верст, Царев курган на реке на Самаре, а Девичих гор 60 верст" [Зимин 1950: 19].

КБЧ содержит богатый материал для изучения апеллятивной и ономастической лексики русского языка [Барандеев 1980], отражая наиболее раннюю фиксацию от-

дельных слов, например, *гирло* – "морской пролив; рукав в речной дельте" [Барандеев 1993], что немаловажно для их полной историко-лексикологической интерпретации. К сведениям КБЧ неоднократно обращаются современные исследователи для установления надежных этимологий ряда географических названий. Памятник включен в корпус обязательных источников при создании капитальных произведений отечественной исторической лексикографии и, таким образом, не утратил значения для науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барандеев А В 1973 – "Книга Большому Чертежу" как источник топонимического исследования // Изв. АН СССР. Серия геогр. 1973. № 5.
- Барандеев А В 1980 – Русская гидрографическая терминология "Книги Большому Чертежу" в историко-лексикологическом освещении: Автореф. канд. дисс. ... М., 1980.
- Барандеев А В 1993 – Украинизм ли термин *гирло*? // Collegium. 1993. № 2.
- Белокуров С [А] 1898 – О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
- Буслаев Ф И 1959 – Историческая грамматика русского языка М., 1959.
- Буслаев Ф И 1861 – Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков М., 1861
- Бутков П Г 1840 – Три статьи, присоединенные к книге Большаго Чертежа России (.) // ЖМВД 1840 Ч. 38 № 10. Смесь
- Веселовский С Б 1951 – Материалы по истории общего описания земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951.
- Вестник . 1858 – Вестник Имп. РГО за 1857 г. СПб., 1858. Ч. 21. Кн. 6. Отд. 6.
- Зимин 1950 – Краткие летописцы XV–XVI вв // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950
- Книга 1950 – Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н. Сербиной. М., Л., 1950
- Кобяк Н.А., Поздеева И В 1986 – Славяно-русские рукописи XIV–XVII веков Научной библиотеки МГУ М., 1986.
- Кусов В С 1989 – Картографическое искусство Русского государства. М., 1989
- Лихачев Н [П] 1894 – Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии СПб., 1894
- Описание. 1913 – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 18. М., 1913.
- Описи. . 1960 – Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.
- Петров В А 1950 – Географические справочники XVII в. // Исторический архив. Т. 5 М.; Л., 1950.
- Полевой Б П 1967 – Новое о "Большом чертеже" // Изв. АН СССР. Серия геогр. 1967 № 6.
- Попов А И 1951 – Вестник ЛГУ. 1951. № 10. Рец.: "Книга Большому Чертежу" в новом издании Академии наук СССР
- Рыбаков Б А 1974 – Русские карты Московии XV–начала XVI века. М., 1974.
- Татищев В Н 1994 – История Российская // Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 1. Ч. 1. М., 1994.
- Хабургаев Г А 1955 – Замечательный географ начала XVII века // Курская правда 3 сент. 1955 (№ 209)
- Хабургаев Г А 1966 – Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия Введение Вокализм // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской Т. 163. Вып. 12. М., 1966.
- Хабургаев Г А 1969а – ВЯ. 1969. № 3. Рец.: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968.
- Хабургаев Г А 1969б – Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.
- Davidsson С 1954 – Two MSS of *Kniga Bol'sogo Čerteža* in Sweden // Scando-slavica. 1954. Т. I